

А. Д. Передня

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Предлагаемая статья представляет собой опыт исследования категории склонения древнеуйгурского языка (VII–XIV вв.) на основе функционально-семантического метода.

Поскольку в тюркологии традиционно не проводилось разграничение древнетюркских языков, большая часть работ затрагивала данные «единого» древнетюркского языка (например, [1; 2; 3; 4]). В данной статье принимается точка зрения о существовании нескольких древнетюркских языков. По крайней мере, можно уверенно выделить как минимум два древнейших тюркских языка: язык древнетюркских рунических памятников и древнеуйгурский язык.

Древнеуйгурский язык причисляют к огузо-уйгурским. Так, некоторые исследователи полагают, что древнеуйгурский относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе тюркских языков. Данная подгруппа составляет самую древнюю в хронологическом отношении подгруппу языков и состоит из двух древних языков — древнетюркского языка енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурского языка, а также двух современных — тувинского и карагасского языков [5, с. 132]. Существует и мнение о том, что древнеуйгурский язык относится к уйгурской подгруппе тюркских языков. К этой группе причисляют тувинский, тофаларский, якутский, хакасский языки [6, с. 7]. Согласно иной точке зрения, представленный главным образом в памятниках буддийского, христианского, манихейского содержания и юридических документах VII–XIII вв. древнеуйгурский язык относится к древним тюркским языкам, предшественниками которых являются древнейшие тюркские языки (см., напр.: [7, с. 142]).

Древнеуйгурский язык представлен рукописями, ксилографами, настенными надписями, надписями на предметах и прочими источниками, имеющими разнообразное содержание и выполненными различными видами письма — уйгурским, манихейским, брахми и др. Наиболее интересными для исследования являются рукописи и ксилографы, в основном содержащие религиозные тексты, реже — юридические и бытовые документы. Религиозные памятники по содержанию разделяют на буддийские, манихейские и христианские, выполненные различным письмом. Основная их часть представляет собой переводы с китайского, согдийского, санскрита. Самой крупной рукописью буддийского содержания считается сутра «Золотой блеск», переведенная с китайского языка предположительно в X в. [8, с. 140].

Среди древнеуйгурских памятников встречаются и оригинальные тексты, сочиненные самими уйгурами [9, р. 13]. Такие тексты занимают, на наш взгляд, особое положение среди памятников, поскольку в них зафиксирован сложившийся к XIII столетию древнеуйгурский язык. Как любые оригинальные произведения, они являются авторскими и лишены, в отличие от «переводных» памятников, следов языкового влияния, которые можно отметить при анализе морфологических и синтаксических особенностей.

Количество древнеуйгурских памятников велико. Большая их часть обнаружена в Турфане, а также в других районах Северо-Западного Китая и датируется IX–XIII вв. Как уже отмечалось выше, в основном это рукописи буддийского и манихейского содержания. Наиболее значительный из манихейских памятников — *Chuastuanift* («Покаянная молитва манихейцев») относится предположительно к V–VII в. Другие манихейские памятники представлены краткими фрагментами.

Переходя к описанию категории склонения в древнеуйгурском языке, следует указать теоретические позиции, на основании которых будет производиться дальнейшее исследование. К ним в первую очередь относятся следующие понятия: падеж, грамматическая форма, грамматическая категория и категория склонения.

Падеж — это форма имени, местоимения или любой субстантивированной части речи, которая появляется в зависимости от отношения этих слов к другим словам в предложении [5, с. 148].

Единого понятия *грамматической формы* не существует, хотя традиционно под последней понимают видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к предметам того же предложения [10, с. 38]. Нам, однако, представляется, что грамматической формой следует считать минимальную структурную единицу языковой системы, абстракцию или совокупность абстракций, содержащую правила и модель, программу, необходимую для построения в речи данной разновидности словоформ [5, с. 40].

Грамматическая категория трактуется либо как «ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, синтаксически выражаемых теми или иными формальными показателями» [8, с. 127], либо как категории, устанавливающиеся по грамматическим формам, передающим те понятия, которые вкладываются в основу выделяемых категорий [11, с. 237]. Подобные определения не дают точного описания грамматической категории как таковой. Автор принимает точку зрения, согласно которой грамматическую категорию следует рассматривать как структурную словоизменительную единицу более высокого, чем грамматическая форма, порядка, поскольку в большинстве случаев она представляет собой совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными, родственными служебными значениями, а также может быть представлена одной формой с автономной семантикой [5, с. 40].

Что же касается *категории склонения* в древнеуйгурском языке, то в различных работах, посвященных грамматике языков древнетюркских памятников, выделяется разное количество составляющих ее падежных форм.

Одни исследователи выделяют семь падежей: основной (или прямой), винительный *-(y)u*, дательный *-qa*, инструментальный *-yn*, местный *-da*, исходный *-dyn* и притяжательный (или родительный) *-(ny)ŋ* [12, с. 32–37]. Другие выделяют восемь падежей, а именно: родительный *-(ny)ŋ* (*Genitiv*), дательный *-qa* (*Dativ*), винительный *-(y)u* (*Akkusativ*), местно-исходный *-da* (*Lokativ-Ablativ*), исходный *-dyn* (*Ablativ*), инструментальный *-yn* (*Instrumental*), экватив *-ča* (*Äquativ*) и направительный *-yaru* (*Direktiv*) [3, с. 86–89]. К тому же к числу падежей причисляют и форму имени, обозначаемую как неопределенный падеж (*Kasus indefinites*), утверждая, что данная форма является именем с нулевым окончанием и выполняет функцию как именительного падежа, так и неопределенной формы имени [3, с. 86]. Необходимо отметить, что Габэн рас-

смаатривает так называемый древнетюркский язык, не разделяя его при этом на язык древнетюркских рунических надписей и древнеуйгурский язык. Существует и другая точка зрения, согласно которой следует выделять девять падежей: основной (без показателя), родительный *-(ny)ŋ*, дательный *-qa*, дательно-направительный *-yaru*, винительный *-(y)u*, местный *-da*, исходный *-dyn*, инструментальный *-yn* и сравнительный *-ča* [1, с. 40].

В последних исследованиях по грамматике «древнетюркского языка» различают до 12 падежей: именительный *nominative* (без показателя), родительный *genitive* *-(ny)ŋ*, винительный *accusative* *-(y)u*, дательный *dative* *-qa*, местный *locative* *-da*, исходный *ablative* *-dyn*, инструментальный *instrumental* *-yn*, экватив *equative* *-ča*, направительный *directive* *-yaru*, разделительно-местный *partitive-locative* *-ra*, уподобительный *simulative* *-layu* и комитативный *comitative* *-lygu* [13, р. 174–186].

Форма имени. Одним из главных является вопрос о существовании основного (именительного) падежа. Традиционно в тюркологии считалось, что в памятниках древнеуйгурского письма присутствует основной падеж, который не имеет специального падежного показателя и представляет собой основу имени, являясь при этом смысловым эквивалентом винительного падежа, выражая объект действия [12, с. 32].

Каждая падежная форма — это языковая структурная единица, на основе которой при порождении речи осуществляется производство падежных словоформ с аффиксами. Скорее всего, основа слова является формой имени, а не основным падежом. К тому же она не входит в парадигму категории склонения, будучи отдельным явлением. Следует согласиться с тем, что выделение «основного падежа» оправдано при описательном подходе к языку, но он не может быть признан формой с нулевым показателем, обладающей собственным падежным значением [5, с. 101]. Отсюда следует, что форма имени для тюркских (в том числе и для древнетюркских) языков, по всей видимости, выполняет функции основы слова, однако эта основа не имеет нулевого показателя. Данная основа может выступать в различных синтаксических функциях, например в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, определения, обстоятельства или именной части сказуемого. К этой основе также могут присоединяться различные аффиксы, в том числе и падежные. А поскольку к одной основе присоединяется обычно один падежный аффикс, данная форма не может быть падежной, так как способна нести аффикс.

В рассмотренном материале памятников были выявлены только те случаи, в которых форма имени выступает в функции винительного падежа:

...*munday bu adunčsuz jazıq jazıntımyz ersär...* (Chuast B 35) «...если мы совершили такой неискупимый грех...»; ...*bir aj čaqšapat tutmaq kergäk erdi...* (Chuast L 129) «...было необходимо соблюдать месячный обет воздержания...»; ...*nečä javlaq saqynč saqynur biz...* (Chuast L 137) «...сколько у нас неправедных мыслей (букв.: сколько ужасных дум мы думаем)...»

Родительный падеж *-(n)uŋ*, *-(n)iŋ*) выступает как морфологическое средство указания на то, что объект, называемый исходной основой, мыслится носителем языка как субъект обладания. В индоевропеистике родительный падеж противопоставляется в приглагольном употреблении форме винительного падежа, так как он означает, что действие, выраженное глаголом, распространяется не на весь объем предмета, называемого именем, а только на его часть [10, с. 168]. Необходимо уточнить, что подобное понимание этой формы не соответствует действительности тюркских

языков, где родительный падеж в приглагольной функции не употребляется [1, с. 78], что и является отличительной чертой этой формы, занимающей только приименную позицию.

Данный падеж — в частности в рассмотренных памятниках — выражает принадлежность одного предмета или явления другому предмету или явлению. В предложении родительным падежом выражается приименное определение, при этом определяемое оформляется аффиксом принадлежности [14, с. 26].

...iki *köziniñ ülgüsi*... (Suv 46, 18) «...величина обоих его глаз...»; ...*indin qydyynyn keçgülig keçügi erür*... (Hüen. 1810) «...[это] является переправой, по которой следует переходить на другой берег...»

Винительный падеж *-(y)u, -(i)g, -(ü)g; -(y)n, -ny, -ni, -ay*) выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого воздействия. Имя в этом падеже выступает главным образом как прямое дополнение [14, с. 26].

...*ojta er oylanyn kişisin tutuy urupan*... (ThS II, 43) «...азартный человек поставил в качестве залога свою родню...»; ...*any otaju utayaj*... (Man I 15, 8) «...[они] не смогут его вылечить...»; ...*bir ajqu çağşapaty edgüti tükäti aryty tutu umadymyz ersär*... (Chuast L 132) «...если мы не смогли хорошо и полностью соблюсти месячный обет воздержания...»

Существует мнение, что форма *-(y)n* со значением орудности и форма *-(y)n*, передающая прямой объект совместно со значением притяжательности, имеют общее происхождение, а показатели представляют одну и ту же форму, которая под влиянием различных коммуникативных потребностей выражает в речи различные смыслы. Согласно данной точке зрения, форма *-(y)n* признается более древней, чем форма *-(y)u*, при передаче информации о прямом объекте, причем функция передачи притяжательной связи возникает, скорее всего, не сразу, а уже как второстепенная [14, с. 26]. Для подтверждения такого предположения, как представляется, следует провести не только грамматический анализ текстов памятников, но и установить графические особенности начертания того или иного показателя.

Так, например, в памятнике Тоньюкука можно наблюдать довольно-таки четкое различие между *-(y)n* как формой винительного падежа после аффиксов принадлежности и *-(y)n* как аффиксом инструментального падежа. Для обозначения первого случая использовался в основном *n*, как в словах/словоформах, где по правилам тюркского рунического письма следовало бы ожидать знак *N*:

𐰽𐰺𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸 [...*qanyn bulmajyn*...] (Т.2) «...не имея своего хана...»; 𐰽𐰺𐰸:𐰺𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸 [...*çoyaj quzin qara qıtuu olurur etimiz*...] (Т.7) «...Мы избрали местом жительства Куз Чугая и Кара-Кумы...»; 𐰽𐰺𐰸:𐰺𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸𐰸 [...*ol oq tün bodunyn saju ytuymyz*...] (Т.42) «...в ту ночь мы отправили (послов) к каждому народу...»; 𐰽𐰺𐰸𐰸:𐰺𐰸𐰸𐰸𐰸 [...*on oq süsin sülätdim*...] (Т.43) «...я повел в поход войско “десяти стрел”...»

В одном из приведенных примеров, *ol oq tün bodunyn saju ytuymyz*, наличие показателя *-(y)n* обусловлено употреблением послелога *saju*, который управляет винительным падежом [1, с. 125].

Что же касается аффикса инструментального падежа, то в этом памятнике он обозначается знаком 𐰽: 𐰽𐰺𐰸>𐰺𐰸>𐰺𐰸 [...*ol jolyn jorysar*...] (Т.24) «...если идти той дорогой...»; 𐰽𐰺𐰸>𐰺𐰸>𐰺𐰸 [...*bu jolyn jorysar*...] (Т.23) «...если идти этой дорогой...»

Отмечен в данном памятнике и случай, когда аффикс обозначен знаком 𐰽: 𐰽𐰺𐰸𐰽𐰾𐰺𐰽 [...*ol sabyn äsidip*...] (Т.22) «...услышав это его слово...» (пер. С.Е.Малова) [8, с. 67]. Здесь С.Е.Малов трактует показатель *-(y)n* как аффикс винительного падежа после аффикса принадлежности [15, с. 90].

На основании анализа материала данного памятника нельзя утверждать, что форма винительного падежа после аффиксов принадлежности и форма инструментального падежа имели одно и то же происхождение, поскольку наличие двух отдельных вариантов их начертания в тексте памятника свидетельствует скорее об обратном.

Дательный падеж (*-qa, -kä; -(ŋ)a, -(ŋ)ä*) сигнализирует о том, что предмет может быть объектом, в направлении которого совершается действие. Имя в дательном падеже обычно выступает как косвенное дополнение, а иногда как обстоятельство [14, с. 26].

Фактический материал памятников показывает, что данный падеж выражал направленность действия в прямом и переносном смысле (а), а также время протекания действия (б).

(а) ...*uluŋqa kičigkä tegi*... (Chuast L 87) «...от мала до велика (букв.: вплоть до старых и малых)...»; ...*sekiz türlüg teginčsiz orunlarqa elttači ayır ajuŋ qylynčlarym ersär*... (Suv 138, 10) «...что касается моих тяжких поступков, которые ведут в восемь различных мест, куда не следует попадать...»; ...*ol ödiün qyrodis qan ynča tip jarlyqady olarqa*... (М.2–3) «...тогда царь Ирод так соизволил молвить им...»; ...*sizlärkä/// jemä qorqynč ajuŋč kelmäsün*... (Tiš 18, a3) «...да не явится к вам страх и смятение...»; ...*er abqa barmyš*... (ThS II 17) «...говорят, что мужчина отправился на охоту...»; ...*köküz eginkä tegi*... (ТТ V А 7) «...до груди и до плеча...»;

(б) ...*künkä tort alqyš azru-a täñrikä kün aj täñrikä küčlüg täñrikä burqanlarqa bir biligin aruŋ köñülün alqansyq törü bar erti*... (Chuast L 94–96) «...был закон совершать восхваление бога Зервана, бога Солнца и Луны, могущественного бога и будд четыре раза в день единым знанием и чистым сердцем...»

Местный падеж (*-ta, -tä; -da, -dä*) является морфологическим средством указания на то, что предмет означает место, точку или пространство, где происходит какое-либо событие, а также момент или временной отрезок, в который или в течение которого происходит данное событие (см., напр.: [5, с. 92]).

В рассмотренных памятниках данный падеж использовался для обозначения места протекания действия (а), а также времени протекания действия (б).

(а) *nečä eksüttümüz kergättimiz ersär täñrim emti jazuda boşunu ötünür biz*... (Chuast L 92) «...сколько бы мы ни причиняли недостатков и лишений, теперь, о Боже, мы ни-жайше каемся в грехах...»;

(б) ...*ötrü bütär bir jylda alty käšnlär saqyšy*... (Suv 589, 18) «...затем в одном году завершается счет шести кешинам (т.е. отрезкам времени в два месяца)...»

Исходный падеж (*-dyn, -din, -tyn, -tin*) указывает на то, что предмет, называемый основой, является объектом, от или из которого направлено действие (а), либо сквозь который совершается действие (б). Имя в исходном падеже в предложении является обстоятельственным дополнением [14, с. 26].

(а) ...*qara nomlartyn jyraq kesip jürün nomlaryu tutmaqqa tajanyr*... (Suv 302, 14) «...удаляясь от неправедных учений и опираясь на принятие праведных учений...»;

(б) ...*indin qudyunuy kegülüg kečügi erür*... (Hüen. 1810) «...[это] является переправой, по которой следует переходить на другой берег...»

Исходный падеж является новообразованием. Отдельный показатель зарегистрирован лишь в древнеуйгурских памятниках. Что же касается памятников рунической письменности, то в них функцию исходного падежа брал на себя местный падеж.

Инструментальный падеж (-*yn*, -*in*) сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является либо орудием, с помощью которого совершается действие, либо тем предметом, совместно с которым совершается действие. Этот падеж обозначает орудие (материал) или соучастника, при помощи которого или совместно с которым производится действие. В предложении имя в данном падеже выступает в качестве дополнения или обстоятельства [16, с. 82; 2, с. 27].

...*saqynčyn sözin qylyncyn on türlüg suj jazuq qyltymyz ersär...* (Chuast L 41) «...если мы совершим десять различных грехов и прегрешений мыслью, словом и делом...»

Экватив (Квантитативный падеж) (-*ča*, -*čä*) указывает на то, что предмет, называемый основой, является объектом, (а) с которым сравнивают или (б) которому уподобляют другой предмет [5, с. 94–96].

(а) ...*any negülük munča keč kelürtünjüzlär...* (Suv 13, 8) «...почему вы привели его так поздно?..»; ...*jir suv ulus balyqlaryu nomča törüčä ötläji erikläji tutyyl...* (ВТТ IX 47, 3–5) «...ты управляй землей и водой, народами и городами в соответствии с учением и законом...»;

(б) ...*makaşyp arqant bu tonuy burqanča saqynu sözüк көнүlin ajaju ayurlaju keder tona-jur erdi...* (ВТТ IX 170, 25–28) «...Архат Махакашьяпа думал об этом одеянии подобно Будде, искренне восхваляя и превозносил, надевал и носил [это одеяние]...»

Направительный падеж (-*yaru*, -*gärü*, -*ñarü*, -*ñarü*) сообщает о том, что предмет, называемый основой, является объектом, к которому направлено действие.

...*tebäsinärü barmyš...* (ThS II–V) «...он отправился к своим верблюдам...»; ...*ebiñarü kelmiş...* (ThS II–V) «...он вернулся к своему дому...»; ...*beg er jontynyaru barmyš...* (ThS II–V) «...бек отправился к своему табуна коней...»; ...*ol mini eltdäči jumyšçylar jügürü taşyaru ünüp üntädilär* (Suv 7, 12–13) «...те слуги, тащившие меня, победив, позвали в горы...»; ...*edligsiz javyz özümin edgügärü uzqyja ötlädin...* (ВТТ XIII 12 J, 14, 2–3) «...ты превосходно наставил мое бесполезное, плохое тело (на путь) к добру...»; ...*biziñarü kelürdi ersär...* (Chuast. L 227) «...если бы он пришел к нам...»

В результате проведенного исследования были обнаружены примеры лексикализации направительного падежа. Это те случаи, в которых аффикс падежа присоединяется не к основе имени существительного, а к основе имени числительного *bir*. Здесь, скорее всего, приобретает смысл, который отображает совместность.

///*birlä birgärü etildi*///
///*birgärü men jämä*///
(Hüen. VIII 82) «...вместе совершаются...»; ///*birgärü men jämä*///
(ВТТ XIII 46, 8, 6) «...вместе я также...»

Итак, мы рассмотрели категорию склонения в древнеуйгурском языке. Традиционно древнетюркский язык не разделялся на язык древнетюркских рунических памятников и древнеуйгурский язык, однако в настоящей работе была принята точка зрения, согласно которой это два разных языка, а не один. Категория склонения в древнеуйгурском языке представлена семью падежными формами: родительный (-*(n)yn*), (-*(n)in*), винительный (-*yu*, -*ig*, -*uy*, -*üg*; -*ny*, -*ni*, в редких случаях -*ay*), дательный (-*qa*, -*kä*, -*ña*, -*ñä*), местный (-*ta*, -*tä*; -*da*, -*dä*), исходный (-*tyn*, -*tin*, -*dyn*, -*din*), инструментальный падеж (-*yn*, -*in*) и экватив (-*ča*, -*čä*). В древнеуйгурском, как и в некоторых других тюркских языках, отсутствует «основной» или «именительный» падеж, а так называемую «форму имени» следует рассматривать отдельно, не включая ее в общую падежную парадигму.

Литература

1. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
2. Кондратьев В. Г. Очерк по грамматике древнетюркского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 65 с.
3. Gabaïn A. V. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950. 373 s.
4. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. ОЛЯ. М., 1952. Т. XI. Вып. 2.
5. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 144 с.
6. Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг.: Рос. гос. Акад. тип, 1922. 15 с.
7. Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1952. Т. 11. Вып. 2.
8. Маслов Ю. С. Введение в языковедение. М.: Высш. шк., 1998. 272 с.
9. Tekin Ş. Buddhistische Uigurica aus der Yüan-Zeit. Budapest, 1980. 426 p.
10. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 642 с.
11. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1978. 388 с.
12. Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. 124 с.
13. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston, 2004. 575 p.
14. Боркояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976. 160 с.
15. Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Хакасский гос. ун-т: Тывинский гос. ун-т, 2004. 336 с.
16. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 301 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.